

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. А. Магарил

Исчерпана ли социальная роль интеллигенции?

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Magaril_isch.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

© 2006 г.

С.А. МАГАРИЛ

ИСЧЕРПАНА ЛИ СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ?

(продолжение диалога)

МАГАРИЛ Сергей Александрович – кандидат экономических наук, преподаватель факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета.

Острая актуальность темы, яркое изложение, парадоксальная аргументация Р.В.Рывкиной* не оставляют равнодушным. Автор упомянутого текста, как и многие другие, живет с ощущением исторического «ухода интеллигенции», поскольку «гуманистические идеалы уступают место технократическим установкам». Ее статья, отвечая на одни вопросы, неизбежно порождает новые, и не менее значимые. Перечислив, например многочисленные группы **образованного** сообщества: от физиков–ядерщиков, инженеров и учителей до бывших идеологов КПСС и деятелей искусства, автор утверждает, что «после распада СССР прежняя деятельность интеллигенции оказалась ненужной». Однако подобное обобщение представляется излишне категоричным.

Действительно ли интеллигенция уходит? Разве перестали врачи – лечить, учителя – учить или профессора перестали входить в студенческие аудитории? Может быть, инженеры перестали создавать или эксплуатировать сложные технические системы? Нет. Немалая часть образованного слоя, сохранив свои профессии, продолжает делать свое дело, обеспечивая

---

* Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли // Социол. исслед. 2006. № 6. С. 138–146

жизнедеятельность общества. Более того, согласно данным Российского фонда фундаментальных исследований, Россия до сих пор обладает четвертой частью метатехнологий, определяющих позиции страны в современном мире. Треть программистов Mikrosoft – выходцы из России. Выпускники и даже студенты-старшекурсники лучших отечественных технических вузов охотно приглашаются в зарубежные научные центры. Из чего следует: естественно-научная и инженерно-техническая интеллигенция продолжает успешно воспитывать интеллектуалов, передавая им свои знания и опыт.

Указанные группы интеллигенции, создав, в свое время, ракетно-ядерный щит, надежно гарантировали национальную безопасность страны от внешних угроз. **СССР в полной мере обладал государственным суверенитетом.** Но он оказался беззащитен перед угрозами внутренними. Его распад, в решающей степени, был обусловлен неспособностью противостоять нарастанию внутренних проблем, неспособностью к динамичному развитию вследствие косности и неэффективности политико-экономической системы, низкого качества национально-государственного управления. Это имеет прямое отношение к профессиональной деятельности **советской общественно-гуманитарной интеллигенции**, изучавшей жизнь общества и утверждавшей, что ей ведомы истинные законы его развития. Однако крах российской государственности свидетельствует: наличные социально-властные отношения не обеспечивали дальнейшее развитие общества. Оно оказалось неконкурентоспособным, не смотря на значительный научный потенциал и технические достижения. Ход и результаты реформ продемонстрировали – советское обществоведение оказалось не в состоянии стать историческим и политическим компасом нации. Но, в соответствии с современными представлениями, **«социальные науки несут ответственность... за состояние социальной жизни... Их цель заключается не только в объективном познании, но и нахождении**

путей социально необходимых преобразований» [1]. К постсоветскому обществу это имеет самое непосредственное отношение.

И, тем не менее, Р.Рывкина права – интеллигенция уходит. Но, какая? Уходят «властители дум» эпохи социализма, уходит общественно-гуманитарная интеллигенция, десятилетиями идеологически обслуживавшая очередные утопии советской власти. **Что эта интеллигенция может предъявить обществу в качестве результатов своей деятельности? Столь необходимый социальный прогресс отсутствует, многие миллионы едва выживают. В обществе не сформирована политическая и правовая культура, массово доминируют апатия и социальная некомпетентность. Какие ценности советская «идеологическая интеллигенция» может передать молодежи – ностальгию по иррациональным утопиям?**

Социометрия фиксирует: «последовательные традиционалисты и тяготеющие к ним по большинству значимых ценностных ориентаций составляют порядка 73 – 75% населения» [2]. К сожалению, это закономерно, поскольку в ходе естественной смены поколений, воспроизводится исторически сформированный, социальный тип «подданного». В частности, воспитывать у детей демократические ценности считают важным лишь в 1 % российских семей, а формировать гражданственность и убеждения – менее чем в 7 % [3]. Тем самым массово воспроизводятся такие качества человеческого потенциала, а потому и социально-властные отношения, которые блокируют механизмы инновационно-демократической модернизации. Неудивительно, что Россия все больше возвращается в свою историческую колею, которая, как показал отечественный опыт XX столетия, не обеспечивает устойчивого развития. Тот же опыт вынуждает признать: политический режим, не способный осуществить национальное развитие, исторической перспективы не имеет. В полной мере это относится и к постсоветской государственности: **подлинно суверенная демократия и сырьевая экономика, в решающей степени**

зависящая от конъюнктуры мировых рынков, несовместны. Проблема, однако, в том, социальные конфликты какого масштаба могут сопровождать «уход» очередного неэффективного режима: общенациональный по прецеденту 1918-1920 гг. или локальные конфликты по прецеденту 1991-1993 гг.?

Советские обществоведы **и воспитанные ими творцы реформ**, как отмечает Р.Рывкина, «не прогнозировали реакцию населения, не учитывали социальных последствий», что во многом и обусловило «рефеодализацию» общества (В.Федотова) в качестве результата их деятельности. Качество общественно-гуманитарной подготовки политических лидеров, ее несовременный характер выразительно иллюстрируют два недавних эпизода. Первый – известная реплика спикера ГД Б.Грызлова, который полагает, что Государственная дума (нижняя палата парламента) – не место для политических дискуссий. Второй эпизод – заявление президента В.Путина в интервью французскому телеканалу ТФ-1 перед саммитом «Большой восьмерки». По мнению президента: «государство – это... прежде всего аппарат принуждения» [4]. В то время как еще в 1980-х г. современное государство интерпретировалось в качестве «машины для производства всеобщего блага» и, даже, как «наиболее эффективная организация по защите прав граждан». Вопреки нашим ожиданиям, лидеров реформ, не обременяли идеалы «национального служения» (Р.Рывкина), хотя все они – выпускники **лучших отечественных ВУЗов.**

По мнению Р.Рывкиной: «главное, что определяло облик советской интеллигенции – «служение советской системе», воспитание «людей в духе социализма и советского патриотизма», замешанных на коммунистической идеологии. Выразительны итоги этих усилий. Едва ли не поголовно пропущенное через систему воспитания советского патриотизма, население СССР не встало на защиту ни единства Советского Союза, ни его политического режима. Не стали организаторами такого движения даже

структуры и функционеры всесильного Комитета государственной безопасности. Действительно, «с началом серьезных перемен... стал очевиден утопический характер ожиданий и пророчеств интеллигенции 1980–х годов». **Профессиональные обществоведы** были обязаны, но «не смогли предвидеть, какие чудовищные силы выйдут на поверхность и возьмут силу в стране». Именно эта интеллигенция, по нашему мнению, «изжила себя идейно» (Р.Рывкина); это **ее** историческое время оказалось исчерпанным. Кому нужны проповедники «единственно верного учения», чьи догматы оказались «ложным знанием»?

После распада СССР деятельность **именно этой** интеллигенции оказалась ненужной и, прежде всего, ее прежним работодателям. Советский социализм, как общественно-исторический проект себя изжил, и постсоветская номенклатура более не нуждалась в услугах профессиональных идеологов для легитимации своей власти. Для этого оказалось, достаточно сколоченных капиталов и манипулируемого общественного сознания. Так стоит ли сожалеть об уходе тех, кто преданно служил социально-историческим утопиям, вместо того, чтобы добывать подлинное общественно-гуманитарное знание и транслировать его в общество? Проблема, скорее, в том, какое знание сегодня эта публика несет в студенческие аудитории. Нередко, это так называемые «политтехнологии», использование которых в обществе полуархаичной политической культуры неизбежно вырождается в манипулирование профанным сознанием. «Именно такая патриархально-подданическая политическая культура, уходящая корнями в традиции монархической государственности, формировалась в России на протяжении десятилетий правящей коммунистической элитой» [5].

Бессилие постсоветской интеллигенции. Потеряв надежду на многообещанное реформаторами процветание, народ утратил доверие не только к былым «властителям дум», но **к интеллигенции в целом** как

носителю знания, как интеллектуальному лидеру нации. Действительно, превратившись в одну из маргинальных групп, интеллигенция, вместе со скромным благополучием, утратила и социальный статус и уважение общества. Подтвердилась давно известная истина: социальные группы, неспособные сформулировать отчетливую политику в защиту своих интересов, сформировать влиятельные общественно-политические структуры для реализации этой политики, оттесняются на социально-экономическую обочину, подвергаются эксплуатации и неизбежно деградируют. Именно это и произошло за годы реформ с основной массой отечественной интеллигенции.

Происходящее выразительно оттеняет «утечка мозгов». Число ученых и специалистов, покинувших Россию за годы постсоветских реформ, оценивается в 200 тыс. чел. Один из них, Ю.Магаршак (ныне профессор Бостонского университета), говоря о возникшей всемирной русскоязычной интеллектуальной сети, пишет: выходцы из СССР успешно работают в десятках стран мира и расчеты показывают, что «суммарный доход русскоязычного сообщества за рубежами бывшего СССР достигает годового бюджета РФ» [6]. Если г. Магаршак прав, то это означает, что наши образованные соотечественники вполне успешно адаптируются в остроконкурентной, но **правовой среде** западного общества. В этой связи, обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое: коль скоро в российском «переходном» обществе идет процесс трансформации нормативно-ценностной системы, то нечто аналогичное, с той или иной скоростью, происходит и в личности отдельного человека. И по мере того, как общинно-советские ценности «беззаветного служения» замещаются западными достижительными - российский интеллигент, без особых затруднений, преобразуется в западного интеллектуала, что позволяет ему благополучно адаптироваться в новой для него социокультурной среде.

И второе. массовый отъезд интеллектуалов из России означает, что люди утратили надежду изменить к лучшему свою жизнь на родине. **Одно из наиболее принципиальных отличий стран иммиграции - правовой характер государства,** а потому и качественно иные социально-властные отношения. Эти отношения не вынуждают наших иммигрантов к общественно-политической консолидации для защиты своих законных интересов, прежде всего, **права** на справедливую оплату труда. На новом месте в этом нет острой необходимости. Отечественная же интеллигенция не готова к этому в силу низкого массового уровня политико-правовой культуры и отсутствия навыка солидарных действий.

Чтобы понять истоки политической беспомощности постсоветской интеллигенции, обратимся к краткому **историческому экскурсу**. Еще в предреволюционный период Россия, по-видимому, столкнулась с одним из проявлений диалектического закона «перехода количества в качество». **Наличная масса образованных людей, а потому и качество государственного управления резко не соответствовали остроте и масштабу возникших национальных проблем.** Неизбежный итог – дезорганизация жизни социума. В отсутствии **эффективных** политико-правовых инструментов **достижения социального компромисса,** многочисленные слои и группы российского общества не нашли другого способа «согласования» своих интересов, кроме взаимоистребления в ходе гражданской войны носителей «иных» общественных идеалов. К сожалению, действенных партийно-парламентских механизмов **нейтрализации социальных противоречий** Россия не имеет и сегодня, в начале XXI в. Достаточно указать на ничтожный рейтинг доверия к политическим партиям и Государственной Думе. Типологическое подобие вновь воспроизведенной общественной ситуации не может не вызывать беспокойства за благополучие сложного, многоукладного общества.

Однако вернемся к истории: «По данным переписи 1897 г. лишь 21% населения России умел читать» [7]. Причем, большая часть грамотных закончила церковно-приходские либо земские школы или начальные технические училища. В расчете на 10 тыс. чел. населения в 1890 г. в России студентов было в 4 – 10 раз меньше, чем в промышленно развитых странах [8]. Отвергая утверждения экс-министра образования графа Д.Толстого, полагавшего, что у России «нет большой надобности в университетах», Д.Менделеев указывал: ежегодно «и достойным нет входа в высшие учебные заведения из-за недостатка мест» [9]. Неудивительно, что к 1914 г. в Великороссии людей с высшим образованием было всего около 120 тыс. чел. [10]. Это составляло порядка 1% населения.

В 1911г. В.Ключевский писал: «Средства западно-европейской культуры, попадая в руки тонких слоев общества, обращались на их охрану... усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины – на бессмысленном управлении» [11]. По прошествии всего 6 лет история подтвердила трагическое предвидение ученого. Итог дореволюционному периоду социокультурного развития России, подвел нобелевский лауреат И.Павлов. В лекции «Об уме всеобщем и русском в частности» (Петроград, 1918 г.) он утверждал: «Отсутствием законности и просвещения... власть держала народные массы в диком состоянии» [11, с. 300].

Упомянутая структура образованности была одним из тягчайших препятствий на пути развития производительных сил России. Посетивший нашу страну в 1920 г. будущий нобелевский лауреат Б.Рассел отмечал: «Число людей, которые умеют хотя бы читать и писать, исключительно мало... Образование в России должно подчиниться потребностям промышленного развития» [12]. Это отчетливо понимали и большевики.

Были предприняты беспрецедентные усилия по наращиванию культурно-технического уровня населения. В 1930 – 1950 гг. доля вложений в научно-образовательный комплекс в СССР была самой высокой в мире [13]. Созданная система образования за годы индустриализации не только ликвидировала неграмотность, но и подготовила миллионы квалифицированных специалистов технико-технологического профиля. Без этого промышленное развитие Советской России было невозможно. При этом ставка делалась на авангардные для своего времени технологии: авиацию, энергетику, тракторо- и автомобилестроение и т.п.

Реальные достижения отечественной науки и техники оправдывают самые высокие оценки в отношении естественно-научного и инженерно-технического направлений профессиональной подготовки. Зам. директора Института прикладной математики РАН, д.ф.м.н. Г.Малинецкий отмечал, что в Советском Союзе был реализован образовательный «проект мирового класса»; так «в мире учат только элиту» [14]. Действительно, труд и талант российских инженеров и ученых превратили аграрную страну в промышленно-развитое государство.

Однако в отличие от инженерно-технического, нет никаких оснований идеализировать отечественное общественно-гуманитарное знание и образование. Еще в 1891 г. В.Ключевский сетовал: «Русская мысль и русская действительность далеко разошлись друг с другом и идут каждая своей дорогой... Первая, не понимая потребностей второй, не в состоянии направлять ее, а вторая, предоставленная своим стихийным влечениям, может привести к роковым результатам... к неожиданным кризисам... и не предвидится средств восстановить дружное взаимодействие той и другой» [15]. Позднее к аналогичному выводу приходит Н.Бердяев: «Вся русская история обнаруживает слабость самостоятельных умозрительных интересов» [16]. И потому не приходится удивляться, что молодая общественная наука

России оказалась под сильнейшим влиянием вне- и донаучной древней мечты об идеальном обществе [17].

Проиллюстрируем приведенные тезисы оценками иностранных наблюдателей. Ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук, англичанин Т.Шанин отмечает: «Одной из особенностей России, которая особенно видна мне как иностранцу, является та мера, в которой российская интеллигенция думала через литературу – больше через литературу, чем через социальные науки. В XIX веке очень многое из того, что в англосаксонских странах определялось **через социальные науки**: социологию, экономику и так далее, в России определялось через русскую литературу» [18]. Ранее упомянутый Б.Рассел, указывая на твердость и практичность русских революционеров, высказывал опасения, что в Советской России широкое общегуманитарное развитие будет сочтено чрезмерной роскошью и отвергнуто [19]. Действительно, в условиях политического режима диктатуры, скованное догмами «единственно-верного учения» и страхом репрессий, обществоведение в принципе не могло обеспечить адекватное наращивание знаний о российском обществе и преодолеть его традиционный социокультурный раскол: самые современные естественно-научные и инженерно-технические знания совмещались с ортодоксией, схоластикой и догматизмом **официального** обществоведения. Сошлемся на мнение И. Берлина, который тридцать семь лет спустя после Б.Рассела, побывав в СССР, писал: «В молодежи скорее поощряется интерес к научным и техническим знаниям, чем к гуманитарным, и **чем ближе к политике, тем слабее образование**. Хуже всего поставлено оно у экономистов, историков современности, философов и юристов» [20]. В итоге, Россия в течение всего XX в. «не имела социального знания, осмыслившего отечественное развитие хотя бы до уровня глубокого освоения западного опыта и его предпосылок. В то время как на Западе выполнены многочисленные труды по проблемам модернизации, в России за

годы постсоветских реформ, появилось очень немного работ на эту тему. К тому же, подлинно глубокие работы российских ученых не стали значимым фактом общественной жизни» [21].

Вышеизложенное дает основание констатировать, что несмотря на некоторое продвижение в последние годы, достигнутый уровень социогуманитарного знания и, особенно, качество массовой общественно-гуманитарной подготовки все еще не соответствуют масштабам исторической задачи: формированию правового государства и проведению инновационно-демократической модернизации.

Трансформация общественного сознания. Модернизация в Советской России сопровождалась двумя разнонаправленными потоками трансформации общественного сознания (в сегменте научного знания) – освоение рационально-критического, естественно-научного и технико-технологического знания, и соответствующего типа мышления, реально востребованных обществом, и, одновременно, насаждением схоластики, догматики, иррационально-утопических представлений в общественно-гуманитарном сегменте знаний (ожидание мировой революции, строительство социализма, созидание коммунизма, а затем – вновь социализма, но уже ... с человеческим лицом). Рационально-критическое мышление в области техники и технологии, как правило поощрялось, но в обществоведении жестко подавлялось как инакомыслие.

Возникает вопрос, каким образом миллионы людей одновременно демонстрируют столь различные, казалось бы, несовместимые типы сознания и мышления? Один из возможных ответов состоит в том, что мир техники не оставляет пространства для мифов и иллюзий: заблуждения, и ошибки выявляют первые же испытания технических систем. Необходимые изменения в теоретические концепции, расчеты и чертежи вынуждены вносить те же самые люди, что разрабатывали исходную конструкцию. Иное дело – общественно-исторические прожекты: социальные утопии воплощает

одно поколение, а искать причины их краха утопий вынуждены следующие поколения, по прошествии многих десятков лет. **Здесь-то и проявляется дефицит достоверного социально-исторического знания.** Недаром советские вожди неоднократно переписывали новейшую отечественную историю и столь упорно подавляли социологию. В СССР история стала «непредсказуемой» отнюдь не случайно. «Когда тоталитарное государство пересматривает изложение истории... это означает, что политические элиты стремятся формировать и контролировать процесс создания политических ориентаций» [22]. Не эти ли, отнюдь не бескорыстные усилия, воспроизводят «загадочную» цикличность российской истории, обуславливают неспособность общества постичь уроки истории [21, с. 51].

К сожалению, **отечественная общественно-гуманитарная интеллигенция проиграла и до сих пор проигрывает государственной бюрократии историческое состязание за умы сограждан.** И потому, возможно, предварительное освоение строго рационального естественно-научного и технико-технологического знания, есть необходимый этап в процессе рационализации знания социогуманитарного и, как следствие - национального мышления в целом. В любом случае рационализация общественного сознания, начатая в ходе индустриализации, должна быть продолжена.

Какая интеллигенция нужна России? Малоутешительные итоги реформ свидетельствуют: в обществе отсутствует социальный субъект демократических преобразований. Доминирующие социальные группы сознательно принесли в жертву собственному обогащению интересы национального развития. Вывезя из страны несколько сот миллиардов долларов, они убедительно доказали: свое будущее они видят без России и вне России. Массовые слои населения, придавленные нуждой и заботами ежедневного выживания, в принципе не способны к самостоятельному политическому представительству. Их упования не идут дальше надежд на

поддержку «заботливого» государства. Малый и средний бизнес, чье развитие жестко блокируется коррумпированной бюрократией, также не способен взять на себя роль лидера демократических реформ. **В неправовом государстве нет и не может быть гарантий трудовой частной собственности, что разрушает созидательную мотивацию граждан.**

В таком случае, какие социальные слои и группы могут и должны стать субъектом национально-ответственной политики? По мнению пишущего, группой, потенциально способной стать лидером инновационно-демократической модернизации, является образованное сословие России, носитель национального интеллекта. Другой, которая была бы способна сама осваивать политическую культуру демократии и транслировать ее в массовые слои общества, в стране просто нет. Однако разве в годы реформ отечественная интеллигенция продемонстрировала необходимый уровень понимания происходящего, способность к политической консолидации и солидарным действиям в защиту хотя бы собственных интересов? К сожалению, нет. Эмоциональная вовлеченность многократно превышала вовлеченность рациональную [21, с. 61].

Это стало одним из основных препятствий на пути формирования действенных механизмов уголовно-правовой и политической ответственности, а потому и позитивной селекции правящих групп. В итоге, как и сто лет назад, в России вновь произошло «крушение многообещающего общественного движения, руководимого интеллигенцией» [23]. В обществе вновь не оказалось сил, способных осуществить реальный переход к демократии. Демократический подъем 1990-х гг. был использован младшим поколением номенклатуры для корыстно-корпоративного присвоения собственности, созданной многомиллионным народным трудом.

Известно: социальные практики не могут выйти за рамки сформировавшихся культурных программ. В полной мере это относится и к массовому политическому поведению. Наличная политическая культура

способна продуцировать только ту политическую «элиту» и только тех политических лидеров, которых она продуцирует. И редко когда что-то большее (Петр I). В равной мере это относится и к вертикально ориентированным – традиционно на верховного правителя – структурам власти.

«Народы и их элиты способны создать лишь то, к чему они подготовлены историей». И потому демократически-правовая государственность может утвердиться только при наличии массовых личностных ресурсов адекватного социального качества. Если же подобный тип государственности отторгается, следовательно, необходимые для этого ценности в массовой культуре еще не возобладали и являются в ней маргинальными [24].

Причины, по которым в России: и при наследственных монархах, и при коммунистических правителях, и при демократических президентах – выстраиваются типологически-подобные социально-властные отношения, многообразны. Среди наиболее значимых: надзаконный характер власти (власть выше закона); второстепенное значение суда, подмятого исполнительной властью и манипулируемого ею; массовые противоправные практики (не выработано массовое правосознание); масштабное воспроизводство социальной некомпетентности, и потому неспособность населения России, **даже многомиллионного образованного сословия, в силу политико-правового невежества, неготовности к политической самоорганизации и солидарным действиям, принудить власть предрержащих существовать в рамках закона.**

В конкретно-исторических условиях современной России политику следует рассматривать как способ сохранения национальных ресурсов от расхищения с целью дальнейшего использования в интересах модернизации. Но для этого интеллигенции следует самой осваивать партийно-политические методы консолидации **политической воли рядовых граждан**

и настойчиво транслировать необходимые для этого политические знания в общество. Только сформировав организации единомышленников, образованные группы способны стать субъектом инновационно-демократической модернизации, **субъектом национального развития**. Когда-то, размышляя о задачах грядущего XX в., Б.Чичерин писал: «Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо чтобы произвольная власть **заменилась** властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями» [25]. Век прошел, дважды сменились формы правления, однако без настойчивых и систематических усилий общества, **в отсутствии субъекта демократических преобразований**, наличная власть сама собой «не заменилась» **законоправием**, не встала под контроль закона.

Иначе развивались события в Европе. Европейские интеллектуалы, совместно с представителями других социальных групп, создали влиятельные структуры гражданского общества: разнообразные ассоциации, профсоюзы, политические партии. Это позволило эффективно контролировать правящие элиты и, реально влияя на политико-правовой процесс, добиваться решения актуальных проблем общества. Базовое условие формирования правового государства - «высокий уровень политического и юридического сознания среднего класса Запада» и, что немаловажно – «высокий уровень прикладных социальных исследований» [21, с. 42]. Таким образом, «европейская» стратегия предполагает освоение политической культуры, наращивание объема и качества массового общественно-гуманитарного образования, прежде всего, в сегменте политико-правовых знаний. В полной мере это относится и к подготовке специалистов естественно-научного и технико-технологического профиля. Недаром еще Д.Дьюи отмечал, что именно система образования реализует план достижения желательного типа общества [26].

Однако указанные проблемы остаются за рамками дискуссии о реформе отечественного образования. Между тем, социальное знание, не

побуждающее к общественно-политической самоорганизации, явно не доведено до стадии практической реализации. Высокоинтеллектуальные концепции, статьи и книги ученых-обществоведов – лишь чертежи тех или иных социально-политических механизмов. При всей значимости глубоких теоретических разработок, вовсе неочевидно, что предлагаемые конструкции окажутся работоспособны. Убедить могут только действующие образцы.

Вышеизложенная постановка вопроса отнюдь не нова. Еще 100 лет назад А. Изгоев писал о необходимости формирования национально-ответственной интеллигенции: «Скажут, поставленная задача неразрешима, что она утопична. На это могу дать только один ответ: разрешение ее необходимо. Если не удастся создать в России государственную интеллигенцию сознательными усилиями, она в ней народится как результат целого ряда катастроф, если только за это время не погибнет и не расчленился само государство. Пока мы живы, наша задача предупреждать эти катастрофы и готовить людей, способных к творческой работе» [27]. Отечественная история XX в. дважды подтвердила опасения Изгоева, а сформулированная им задача и сегодня звучит как **программа деятельности для социогуманитарной интеллигенции России**. Никому еще не удавалось утвердить демократию в отсутствии необходимого множества демократически мыслящих граждан. Указанное обстоятельство подчеркивает очевидный факт: наличие многомиллионной инженерно-технической интеллигенции не предотвратило крушение советской государственности. В свое время, характеризуя образовательную «политику» российской бюрократии, Ключевский писал: «Забота внутренней политики XVIII – XIX в.в. – поставить народное образование так, чтобы наука не шла дальше указанных ей пределов, не перерабатывалась в убеждения». **Сегодня совершенно необходимо, чтобы социальные науки формировали убеждения, воспитывали ГРАЖДАН, а не подданных.**

Носители социальных знаний обязаны осознать масштаб исторической задачи. Как отмечает В.Федотова, строительство институтов демократии не может быть эффективным до тех пор, пока не сложатся соответствующие коллективные представления об общих ценностях. Ими могут быть идеологии, общие принципы или научные представления – любые коллективные смысложизненные содержания, препятствующие **негативной автономизации** [1, с. 43]. Все упомянутое – суть интеллектуальный продукт профессиональной деятельности социо-гуманитарной интеллигенции.

В завершение, полезно вспомнить и мнение классика мировой социологии М.Вебера. Анализируя российские события 1905-1906 гг., он писал: «Демократия и свобода смогут выжить в России лишь в том случае, если нация проявит решительную волю в своем нежелании быть стадом баранов [28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Федотова В.Г.* Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // Анархия и порядок. М., 2000. С. 136.
2. *Горшков М.К.* Граждане новой России: К вопросу об устойчивости и изменчивости общенационального менталитета // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник РАН, ИНИОН РАН. М., 2005. С.68-69.
3. Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад ИКСИ РАН. М., 2003.

4. *Замятина Т.* Броня недоверия // «Московские новости» 2006. 04–10 августа.
5. *Гуторов В.* Политическое образование и университет в современной России: новые дилеммы // Вестник аналитики. М., 2004. № 3. С.140.
6. *Магаршак Ю.* Русская ойкумена // Известия. 2003. 7 февраля.
7. *Культурология* // Под ред. *Марковой А.Н.* ЮНИТИ. М.: 2003. С. 472.
8. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т 2. СПб, 2003. С. 385.
9. *Менделеев Д.И.* Об образовании, преимущественно высшем (1904г) // Заветные мысли. М.: Мысль. 1995. С.250-251.
10. *Дьякова Е.* От легкой жизни мы сошли с ума. // Новая газета. 2005. 14 июля.
11. *Ключевский В.О.* Афоризмы за 1911г. // Из русской мысли о России. Калининград, 2002. С.267.
12. *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М.: Наука. 1991. С. 39,40.
13. *Ханин Г.* Технология рывка // Стратегия России. 2005. № 9.
14. *Малинецкий Г.* Учитель, ученик и шанс для России // Компьютера. 2005. № 42. С.31,32.
15. *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 294.
16. *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991. С.16.
17. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т.II. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 475.
18. *Шанин Т.* Лекция «История поколений и поколенческая история России». Прочитана 17.03.2005г. в дискуссионном клубе Интернет-портала «Полит.ру», <http://www.polit.ru/lectures/2005/03/23/shanin.html>).
19. *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. Наука, М., 1991. С. 39.
20. *Берлин И.* Советская интеллигенция (1957г.) // История свободы. Россия. Новое литературное обозрение. М., 2001.С.501.

21. *Федотова В.Г.* Уроки «Вех» // Анархия и порядок. Эдиториал УРСС. М., 2000. С.57-59.
22. *Almond G.A., Powell G.B.* Comporative Politics. P. 64-65.
23. *Франк С.Л.* Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 167.
24. *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? Новое издательство. М., 2005. С. 565.
25. *Чичерин Б.* Россия накануне двадцатого столетия // Стратегия России. 2004. № 5.
26. Цит. по: *Westbrook R.B.* John Dewey and American Democracy. Ithaca and London. 1992. P. 192.
27. *Изгоев А.С.* Интеллигенция и “вехи”. // Русское общество и революция. М.,1910. С.11.
28. *Weber M.* Zur Lage der burgerlichen Demokratie in Russland / Weber M. Gesammelte politische Schiften. Hrsg. von Johannes Winckelmann. Tubingen. 1988. S. 66.